

Фаги́ма ХИСАМОВА

ЛЕКСИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
ТАТАРОЯЗЫЧНЫХ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ
АКТОВ XVII-XVIII ВВ

Мақалада Орыс мемлекетінің шығыс елдермен XVI-XVIII ғасырлардағы елшілік хат алысулары, ескі татар тілінің ресми-іскерлік стиліндегі хаттарының қолданысқа енуі жайында, сондай-ақ тақырыпты зерттеу барысында мұрағаттардан табылған қолжазба қорлар мен сілтемелер қолданылғаны туралы жалпылама мәліметтер келтіріледі.

Yazar bu makalede, XVII-XVIII yy. Rus Devletinin Doğu ülkeleriyle diplomatik yazışmaları, Tatar dilinin resmi yazı klişeleri, eski Tatar dilinin söz konusu yazışmalarda uygulanmasını arşiv ve eski elyazı bilgilerine atıfta bulunarak incelemiştir.

Одной из функциональных разновидностей в историческом развитии татарского литературного языка является официально-деловой стиль – старотатарская деловая письменность, которая активно функционировала в XVII-XVIII вв. в восточной дипломатии России и восходила своими корнями в тюрко-татарскую деловую письменность Поволжья XIV-XVI вв., т.е. к языку средневековых ярлыков и битиков.

Как известно, возникновение и функционирование официально-делового стиля литературного языка строго социально обусловлено. Оно предполагает наличие государственности и развитых социально-политических, административных, юридических и др. отношений. Появление самых характерных памятников тюркского официально-делового стиля, которое совпало с началом формирования региональных тюркских письменно-литературных традиций в XIV-XVI вв., было связано с поволжским регионом. Это – известные науке ярлыки и битики периода Золотой Орды, Казанского и Крымского ханств.

Золотая Орда с преимущественно кыпчакским населением сформировалась во второй половине XIII – в начале XIV вв. как самое крупное государство в Евразии. Волжская Булгария, покоренная Батый-ханом, в качестве отдельного улуса входила в состав Золотой Орды и после неоднократных разрушений фактически прекратила свое существование в первой половине XV в. Сформировавшееся в середине XV в. Казанское ханство просуществовало до середины XVI в. Комплекс документов, относящихся к официальному делопроизводству тюркоязычных ханств (Золотоордынского, Казанского, Крымского), известных в науку как ярлыки и битики, можно назвать первым этапом развития тюркской деловой письменности в этом регионе.

Следующий этап развития деловой письменности Поволжья (XVI-XVII вв.) представлен многочисленными дипломатическими, частно-

правовыми и другими актами, относящимися в подавляющем большинстве к русско-восточным отношениям.

После падения Казанского ханства в середине XV в., тюрко-татарское официально-деловое письмо, как язык дипломатии, продолжает функционировать в Крымском ханстве, в крымско-русских отношениях, и в течение трех веков (XV – перв. пол. XIX вв.) активно функционирует в русско-восточных отношениях, в межгосударственных переписках с такими восточными странами, как Индия, Китай, Иран, а также с казахскими с среднеазиатскими ханствами и др.

Тексты этих документов (преимущественно в черновом виде) сохранились в архивах городов: Москвы (РГАДА, АВПР), Оренбурга (ГАОО), Казани (ЦГА РТ), Санкт-Петербурга (ЛО ИВ АН), Махачкалы. Некоторые из них опубликованы в виде иллюстраций в различных исторических трудах, таких как например: «Русско-индийские отношения в XVII в.» (1958), «Материалы по истории русско-монгольских отношений в 1607-1636 гг.» (1959), «Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР» (1932), «Крестьянская война под предводительством Степана Разина» (1974), «Переписка на иностранных языках грузинских царей с Российскими государями от 1639 г. По 1770 г.» (1861), «Казахско-русские отношения» (1971) и др.

В процессе исследования специфики функционирования этой разновидности татарского литературного языка, нами вновь были выявлены в различных архивах и всесторонне анализированы следующие документы и материалы на татарском языке:

- полный текст Грамоты московских бояр ногайскому князю Иштиряку – 1613 г. (архив РГАДА), а также письма астраханских татар и ногайских мурз к русским государям – 1612-1633 гг. (РГАДА);

- две грамоты, написанные от имени русских государей Крымскому Адел-Гирай султану – 1659 г. (РГАДА);

- две грамоты от имени Ивана и Петра Алексеевичей Иранскому (Ширванскому) шаху Сулейману – 1692 г. и грамота Бухарскому Субханкул Бахадур хану – 1659 г. (РГАДА);

- грамота Персидскому шаху Гусейну – 1722 г. (АВПР);

- протокол трактата, заключенного в Санкт-Петербурге между российскими министрами и персидским полномочным послом Измаил-беком – 1723 г. (АВПР);

- две жалованные грамоты от императрицы Анны Иоанновны старшине киргизкайсацкой орды Абулхаир хану, а также письмо Абулхаир хана – 1730-1731 гг. (АВПР);

- две грамоты Анны Иоанновны Бухарскому хану Мухаммед Субханкулу и Балхинскому хану – 1730 (АВПР);

- служебные письма курьера и переводчика Максуда Юнусова, отправленные от каракалпаков в Москву – 1724 г. (АВПР), а также письмо

каракалпакского Ишмухаммед багадур хана – 1722, там же;

- многочисленные письма русского государства казахским ханам, султанам и беям, а также ответные письма казахских правителей – 1749-1849 гг. (АВПР, ГАОО);

- письма Алексея Тевкелева на имя среднезиатских ханов (ГАОО);

- грамоты русского государства на имя Ургенчского и Хивинского маликов – 1761 г. (ГАОО);

- в Оренбургском архиве выявлена нами также объемная рукопись (27 стр.) – отчет о поездке в Бухару поручика Абдуннасыра Субханкулова -1809;

Подробное и системное изучение языка самых различных циклов деловых документов дает основание утверждать, что распространенное на довольно большой территории и функционировавшее в течение ряда веков татарское деловое письма было однотипным как в структурно – языковом, так и в функционально-стилистическом планах. Эта региональная письменно-литературная традиция в своей базисной системе была весьма близкой к общенародному татарскому языку, и всюду называлась «татарским письмом».

В то же время язык старотатарской деловой письменности за более чем двухвековое употребление претерпел и некоторые изменения, которые были связаны с изменением социально-исторических условий, с изменениями общей культурно-исторической ситуации, при которых бытовала официально-деловая письменность.

Как уже отмечалось, старотатарский литературный язык XVI-XVIII вв. берет свое начало от золотоордынского литературного языка XIV-XVI вв., последний, как известно, восходит в свою очередь к более древнему литературному языку – караханидско-уйгурскому (X-XII вв.).

В типологии истории литературных языков установлено, что влияние классических языков на более поздние региональные литературные языки бывают двоякого характера. Это – связь по наследству и связь по влиянию [1.78]. Старотатарский литературный язык унаследовал в традиционной своей части архаические черты как золотоордынского, так и караханидско-уйгурского литературных языков. Эта связь «по наследству» ощущается на всем протяжении функционирования старотатарской деловой письменности. Но особенно в «чистом виде» она выражена в языке документов, относящихся к концу XVI – первой половине XVII вв. Это – образцы дипломатической переписки русского государства с Крымским ханством, с владельцами Северокавказских княжеств, с ногайцами и др.

В структурном плане эти архаические черты выражены в частности в сохранении к, г, қ, ғ, в конце слов: (*олуг* “великий”, *мәхәббәтлек* “приятельный”), в употреблении исходного падежа на *-дыңн*, *-дин*, глагольных форм на *-гай /-гәй*, *-галы / -гәле*, *-гудай / -гүдәй* и др. а в функционально-стилистическом плане – в сохранении отдельных деловых штампов, форм обращений, этикетных выражений, идущих от ярлыков,

битиков и от древнеуйгурской деловой письменности.

Начиная примерно с конца XVII – начала XVIII вв. в отдельных циклах документов деловой письменности более ощутимо начинают проявляться **огрузские черты**, на что в свое время указывал еще Ф.Е.Корш [2.7]. Это – употребление огузских падежных аффиксов в именном склонении, активизация глагольных форм на *-ур/-үр, -йур/-йүр* (*эстәйүрсез* “желаешь”, *биуруруз* “мы повелеваем”); на *-мыш/-меш, -ажак/-әжәк* (-ачак -әчәк); повелительной формы на *-а/-ә* (*беләсез* “знайте”, *әмер идәсез* “повелевайте”) и др. Как было указано выше, эти огузские черты были привнесены в татарскую деловую письменность искусственно в связи с употреблением ее в данном конкретном случае в ирано-азербайджанском регионе. Эту связь с огузской литературной традицией можно квалифицировать как **адаптивность** литературного языка, а также как **“связь по влиянию”** с параллельно функционирующей близкородственной литературной традицией. Характерно и то, что огузский колорит сохраняется в этот период не только в документах ирано-русской переписки, но также и в других циклах, в частности в документах русско-казахских, русско-среднеазиатских отношений. А некоторые из этих черт (например, употребление будущего на *-ачак/-әчәк*) прочно оседают в татарском языке.

Примерно со второй половины XVIII в. в татарском литературном языке начинает ощущаться влияние чагатайской литературной традиции, что выражается во включении отдельных структурных элементов, присущих этой письменной традиции, таких как – употребление специфических падежных форм без интерфиксального *-н-* в притяжательном склонении (*угыйга, угыйдин*), активизация субъективного прошедшего времени на *-уб/-үб*; словообразовательные аффиксы на *-лык/-лек* в словах типа: *бохарлык* «бухарец», *хивалық* «хивинец». В этом случае мы имеем дело с непосредственным **влиянием** другой литературной традиции, и оно было также обусловлено социально-политическими факторами, с активизацией восточной политики русского государства уже в среднеазиатском регионе. Характерно, что эти «иностраные» признаки наслаиваются на прежние, более древние традиционные (унаследованные) черты литературного языка, усиливая тем самым ощущение его «смешанности», «стиле-языковой пестроты».

В словесном ряду текстов дипломатических грамот также сохраняются официально деловые штампы и термины, идущие с средневековых ярлыков и битиков, но вполне естественно также создаются новые термины, этикетные выражения и т.д. Следует учесть также, что татароязычные грамоты, относящиеся к XVI–XVIII вв. в большинстве являются переводными вариантами с русскоязычных грамот, и многие термины в этих грамотах создавались спонтанно в процессе перевода, но с учетом готового арсенала официально-деловой терминологии предыдущих тюркоязычных ханств.

В грамотах этого периода наиболее употребительны, к примеру, следующие дипломатические, официально-деловые термины и выражения, а также тематические классы лексики:

этикетная лексика: *Хан әгзам хәзрәтләре* “Его царское величество”, *Падшаһ әгзам хәзрәтләре* “Его величество государь”, *олуг би* “великий князь”, *сәгәдәтлү, газәмәтлү* “благополучнейший, могущественный”, *әглә мәртәбәлү* “превысочайший”, *хәмед сәналар қыйламыз* “прославляем”; *олуг илче* “великий посол”, *илче башы* “глава посольства”;

деловая лексика: *илчелек* “посольство” *йарлык, йарлықаш* “помилование” *ант-ширт қылу* “заключить союз, присягнуть”, *ширтнамә-шартнамә* “шертная грамота, соглашение”, *гаһед қылу, йарашу* “заключить союз”, *барышлық* “согласие, взаимообщение, мир”, *барыш-йараш булу* “перемирие, жить в дружбе” *ант эчү, ант итү* “поклониться”, *ант-ширт кач үбу* “поклониться на кресте”, *йомышлық қылу, хидмәт итү* “служить”, *баш ору* “бить челом” *киңәш қылу* “советоваться”, *йақын кешеләрне алмашу* “послать заложника”, *муйынга алу* “ручательство”;

военная лексика: *гаскәр, ләшкәр* “войско”, *уң қул, сул қул* “правые, левые фланги”, *нүкәр, сипаһи, гаскәр адәмләре* “военные”, *башлық* “начальник” *йөз башы* “сотник”, *чабаул* “арьергард”, *орош* “сражение”, *орошу* “сражаться”, *жаулай килү* “нападение”, *гаскәр чөкүб* “разбивая войско”;

общественно-политическая лексика: *йорт* “старана”, *ил* “народ, страна, населенные пункты”, *Оло урда* “Великая орда”, *Дәшти қыпчақ* “Дашти кыпчак, кыпчакская степь”, *Тәхте Қырым* “Крымский трон”, *Оло Урыс* “Великая Русь”, *Кече Урыс* “Малороссия, Украина”, *Ақ Урыс* “Белоруссия”, *Гөржәстан* “Грузия”, *Башы Ачуқ* “Имеретия”, *Нугай урдасы* “Ногайская орда”, *Ләһ, Илах*, “Ляхия, Польша”, *Липқа, Лиқа* “Литва”, *Төрүк* “Турция”, *Ғажәм* “Персия”, и др.;

термины, связанные с торговлей: *базәргән, кубчин* “купец”, *сату кешеләре* “торговые люди” *алуш-вирүш* “купля-продажа”, *тамга* “пошлина”, *тамга-тартанак* “пошлина и весовые”, *тамгачы* “таможенник”, *тамга йорты* “томожня” и др.

В словесном ряду грамот конца XVII начала XVIII в.в, адресованных иранскому Азербайжану, активизируются дипломатические термины и этикетные выражения персидско-иранского происхождения, что также объясняется «адаптивностью» татарского делового письма: *Мәмәлик* «Империя», *әразый* “земли”, *әразый Парс* “Персидские земли”, *мөтәгаллиқәт тамилликийәтләре* “вассальные владения”, *игтимад дуат* “управляющий”, *забт* “управляющий городом, комендант”, *мөстәқил илче, көлле ихтыйар элчи* “полномочный посол”, *вәкил мотлық* “полномочный представитель”, *вәқәләтнамә* “верительная грамота”, *мөзакирә* “соглашение”, *гаһед қылу* “заключить договор”, *намә-и мәнифәләр* “грамоты”, *мәхәббәтнамә* “дружелюбная грамота”, *хаққ хоқуқ үзрә* “в законе,

защищены законом”, *кәшит* “войско”, *куиун-гоиун* “войско”, *йаыг вә атлы куиун* “конное и пешее войско”, *нәмәк бихарәмләр* “восставшие”, букв.: “неблагодарные, не помнящие хлеба, соли”, *зурбәләр* “бунтовщики”, *әһле тәфианлар* “бунтовщики”, *сәрдар* “главнокомандующий”, *сәргәскәр* “генерал”, *қулбаишыгы* “начальник войска”, *қурчы баишы* “офицер”, *агайан қул түфәңчиан* “начальник над пехотою” *нәфрә-и тәкбик* “полковник”.

Постоянные эпитеты и этикетные слова, свойственные для прежних циклов дипломатических актов, продолжают также активно функционировать в различного рода документах, возникших во второй половине XVIII начале XIX вв.: *Олуг падишаһ хәзрәтләре* “Его царское величество”, *Шәүкәтлү вә қәдрәтлү олуг падишаһымыз газиме* “Всепресветлейшая державнейшая Великая Государыня”, *ғали ғайлү вә ғали жәһлү, шәрәфәтлү хан хәзрәтләре* “Высококоместный, высокопочтенный благородный хан”, *Сезнең бийүк мәртәбәңез* “Вашего превосходительства”, *Сезнең биүк хозурыңызга* “Вашему высочеству”, *әглә мәртәбәле ғали мәртәбәле* “высокопочтимый”, *ғәһед вәғдәсе* “клятвенное обещание”, *ғәһеднамә* “клятвенное письмо”, *баиш ору* “бить челом”, *тәғълимнамә, тәғрифнамә* “инструкция”, *сыр хәдде* “пограничная линия”, *илүв агасы* “волостная староста”, *эш ияләре* “служилые люди”, *хақиқый яшерен сердәшче* “действительный тайный советник” и др. Изменилась и военная лексика, вновь приобретая черты татарского языка *йау (жәу) булу* “быть во вражде”, *йорт булу* “жить в мире”, *чиру* “войско”, *чиру итү* “отправление военной повинности” *чиру жыйу* “собирать войско” *чирүле мишәр* “войсковой мещеряк”, *сугыш* “сражение”, *сугыш итү, сугышу* “сражаться, воевать” *хезмәт итү, хезмәткә чыгу* “служить”, *чабу* “совершать набег”, *басу* “нападать”, совершать набег” и др.

Тщательное исследование в монографическом плане самых разнообразных текстов, представляющих определенные хронологические срезы (XVI-XVII вв; конец XVII – начало XVIII вв.; XVIII – начало XIX вв.) дает возможность утверждать в то же время, что несмотря на функционирование в различных вариантах, подвергаясь влиянию различных языковых стихий, татарское деловое письмо, т.е. официально-деловой стиль старотатарского литературного языка последовательно сохранял свои региональные черты, и он оставался относительно стабильным в своей базисной системе по меньшей мере в течение XVI- XVIII вв., вплоть до начала южно-турецкого влияния на письменно-литературный татарский язык уже в новом времени – в конце XIX – начале XX вв.

ЛИТЕРАТУРА

1. Трубецкой Н.И. Общеславянский элемент в русской культуре. // К проблеме русского самосознания. Б.м., 1927.

2. Корш Ф.Е. Универсалы Петра Великого к буджацким и крымским татарам Древности восточные. / Ф. Е. Корш - М., 1893.
3. Хисамова Ф.М. Татарский язык в восточной дипломатии России. – Казань: изд-во «Мастер Лайн», 1999.

Условные сокращения

РГАДА – Российский государственный архив древних актов

АВПР – Архив внешней политики России

ГАОО – Государственный архив Оренбургской области

ЦГА РТ – Центральный государственный архив Республики Татарстан

ЛО ИВ АН – Ленинградское отделение Института востоковедения Академии наук.

RESUME

Fagima Khissamova (Kazan)

**Lexico-stylistic Peculiarities of diplomatic acts in the
tatar language in the XVII-XVIII centuries.**

This article deals with studying of connection between the Russian state and western countries in the diplomatic correspondence. Also it reveals the use of ancient manuscripts, founded in archives, and the Old Tatar language use in the business correspondence.